P2
P90

чаша любви

Альвдис Н. Рутиэн

Битвы и измены

Либерис, с благодарностью

МАРХ, СЫН МЕЙРХИОНА

Кромка прибоя: Марх

Самое первое...

Я выхожу на берег, отряхивая морскую воду с гривы.

Выхожу на берег — будто впервые. Хотя... какой же это первый раз? Я и раньше выходил — забавляясь с народом матери, с бессмертными, и с народом отца — с людьми.

Тогда это были просто забавы. Я мог из мальчишки оборачиваться жеребенком, мог возить их на своей спине, мог бегать с ними наперегонки, не задумываясь, на двух или четырех ногах бегу.

Я плыл по морю, играя с прибрежным народцем, я бежал по волнам, я и был — волнами, белогривыми, буйными; я бился об утёсы грудью, я вскакивал на скалы, в последний миг сменив облик и уцепившись тонкими мальчишечьими руками за острые камни...

Я мчал бок о бок с Манавиданом — моим отчимом, другом и вечным соперником... два коня, двое юношей, два океанских шквала. Скорее названые братья, чем бывший муж Рианнон и ее сын. Мы двое, противники и неразлучные друзья — мы резвились, то шутя недобрые шутки, то спасая людей, таких беспомощных перед морем; мы уходили на самое дно, забавляясь тем, что будили спящих веками чудищ и поспешно удирали от них; мы ласкали под-

водных дев, соперничая из-за их любви и позволяя им вплетать жемчуг в наши гривы; шторм и штиль, удача и рок – всё это были мы двое.

Всё море было нашим домом, отмели и глубины, заповедные воды Рианедд и владения Ллира Лледината – как нет границ волнам, так не было и запретов для нас.

О таких люди говорят «не разлей вода». Много лет мы и были – водою, и не одно течение не осмелилось бы послать свои воды туда, где резвились мы двое.

Но я выхожу на берег, и вода течет с моей гривы.

Не оборачиваюсь.

Зачем оборачиваться? Я всё знаю, я слышу. Там, посреди моря, ржет серый жеребец, встав на гребень волны, словно на скалу. Он ржет и бьет воду копытами.

Манавидан не простит мне, что я избрал землю моей матери. Избрал народ не отчима, а отца.

Народ людей.

Я выхожу на берег. Серые волны бьют об утесы, будто хотят сокрушить эту землю.

Землю, которой я нужнее, чем безбрежному морю.

Меня ждут. Люди... я еще не знаю их имен, кроме одного: Динас. Он поможет мне стать правителем народа людей.

Я меняю облик. Пока это легко, но мать объясняла мне: как только я изберу свой путь, больше не превращаться мне так спокойно, как человек меняет одежду.

Одежда... их одежды на мне нет. Кажется, это неправильно? – надо спросить у Динаса, ему еще предстоит научить меня быть человеком.

Но сейчас это неважно.

Я простираюсь на этой земле, земле людей. Я – выбравший. Я – человек.

— Я, Марх, по воле своей матери король Корнуолла...

Кромка прибоя: Манавидан

Итак, сын Рианнон, ты выбрал.

Выбрал — землю.

Я ли ни рассказывал тебе о тех кошмарах, что подстерегают нас на земле? Я ли ни говорил о том, как женитьба на твоей матери превращала меня долгие годы то в охотника, то в пахаря, то в седельника, то в сапожника? И я, могучий сын Ллира, брат самого Бендигейда Врана, был принужден обучать людей этим ремеслам, доколе не было снято заклятие!

Я, властитель моря, трудился как раб — и для кого?! Для жалких людей!

А теперь ты, Марх, сын моей жены, по собственной воле идешь, чтобы стать таким же рабом. Тебя назовут королем — но не оставят тебе и дня воли. Я презирал бы тебя, будь ты мне чужим. Будь ты просто сыном Рианнон, как Придери. Но тебя я взрастил как сына — и покараю тебя как отец.

Ты человек теперь? Что ж, тебе доводилось видеть, как часами и днями забавляются волны с потерпевшим крушение человеком!

Ты узнаешь это сполна, предатель. Нет пощады сыну, пошедшему против отца.

Отныне морю никогда не быть твоим домом. Беду, и только беду принесет тебе море!

* * *

Вороной конь выходит из моря — и превращается в нагого могучего юношу со спутанной гривой длинных рыжих волос.

Белоснежная кобыла скачет на берег с холмов. Нет, не кобыла — всадница на белой лошади. Нет, не всадница — знатная госпожа в белом платье бежит по камням навстречу сыну.

— Матушка.

— Сын мой! Я знала — ты не останешься безучастным к моей мольбе.

— Разве оставлю я тебя в твоей тревоге?

— Тревоге? Придери и был моей тревогой. И вот он мертв! Убит Гвидионом. Нет больше второго короля Аннуина...

— Матушка, не плачь. Я сделаю всё, что ты скажешь, но только прежде исполни одну мою просьбу.

— Какую? Чего ты хочешь?

— Расскажи мне, что произошло. Я не спутаю пучины Рианедд с буйными волнами Манавидана и с лишенными ярости бесконечными водами Корины, но Гвидиона от Аннуина мне не отличить. Я слишком мало прожил на Земле, ты же помнишь.

— Разве Динас не рассказал тебе?

— Из его слов я понял лишь одно: случилась беда. Большая беда. Я нужен тебе, и гнев Манавидана ничего не значит перед твоим горем.

Кромка отчаянья: Рианнон

С чего мне начать мой рассказ? Не с тех ли времен, когда могучий Ху Кадарн пришел сюда, в Прайден, с первыми людьми? Когда родился Араун, владыка Аннуина?

Или с других времен, когда опустилась суша, связующая Прайден с бескрайней землей на юге, когда хлынули воды Ворруда, отрезав наш остров от иных земель?

Тогда случилось и иное, сын мой: разделились не только суши, но и миры. Наш мир начал отдаляться от мира людей. Раньше любой из нас мог легко прийти к людям, раньше для любого человека был открыт и Аннуин, и Авалон, потом же это стало доступно лишь избранным и лишь в отдельные дни.

Ты спрашиваешь меня, сын мой, почему это плохо? Узнаю слова Манавидана — тот так и не простил,

что ему долгие годы пришлось жить среди людей. Он был бы рад вечной границе меж мирами...

Я отвечу тебе так, сын Мейрхиона: как вода, если ей не дают течь, превращается в болото, как дерево от избытка воды гниет и падает, так и наши два мира лишатся жизни, будучи разделены.

И вот когда Араун, владыка Аннуина, понял, какая беда нам грозит, он нашел Аннуину второго короля. Человека. Его звали Пуйл. Он стал править Аннуином, миром волшебства, Араун же — миром людей.

Так заново возникла едва не утраченная связь.

А потом, когда Пуйл вернулся к людям, я стала его женой. И родился Придери, второй человеческий король Аннуина.

Придери держал врата миров открытыми.

Но теперь он убит Гвидионом.

* * *

— Погоди, матушка. Не всё сразу. Скажи теперь: чего ты хочешь от меня? Мести за Придери?

— Когда-нибудь ты отомстишь за него. Но сейчас ты должен не дать оборваться связи смертных земель и Аннуина. Ты — мой сын, но ты — сын человека. Твой отец Мейрхион был владыкой Дал Риады, дальней северной земли. Ты можешь стать человеком, как он. И тогда кому как ни тебе быть вторым королем в Аннуине, наравне с Арауном?

— Стать человеком... Динас говорил мне об этом. Но что это означает? Короткий век смертных?

— Нет, век твой останется долгим. Но ты будешь жить их тревогами и радостями, подчиняться их законам, разделять их страхи, не доступные нам, властителям Аннуина. Тебе придется полагаться на силу твоих рук и мудрость сердца, почти не пользуясь той чародейной силой, что дана тебе мною от рождения. Сможешь ли ты поставить законы людей над собственной волей, сын мой?

* * *

Сын Рианнон встал. Ветер трепал его просоленные волосы, обсохшие за время этого разговора.

Невысокий, но плечистый, в священной наготе, еще не ведающий человеческого стыда, он походил сейчас на некоего бога... да он и был им – сын богини и короля людей.

Больше не оборачиваться конем ради забавы. Выучить непонятные законы людей. Сжать себя до того слабого существа, которое зовется человеком.

И тем помочь и миру смертных, и миру таких, как он, его мать, Манавидан...

Он оборачивается к матери и говорит:

– Я уже назвал себя человеком. Я уже выбрал. Только я... я пока ничего не умею. Человеческого – ничего.

КАБАН

Кромка берега: Динас

Пойдем, Марх. Пойдем прочь от моря. Поднимемся хотя бы к рыбацкой хижине: оденешься, съешь горбушку хлеба, глотнешь пива.

Издалека посмотришь на черную громаду Тинтагела – твою столицу, которой еще только предстоит стать действительно твоей. В замке живет другой король – уже *бывший* король Корнуолла, но всё еще очень опасный. Араун и Рианнон лишили его власти, они отдали страну тебе – но тебе еще предстоит иметь дело и с этим противником.

Ты станешь хорошим королем, Марх. Лучше, чем тот, что в бессильной ярости заперся в Тинтагеле, пытаясь удержаться за землю, уже вышедшую из-под его власти.

Я это просто вижу.

Я же сенешаль этой страны.

* * *

Сквозь серые тучи — рваные желтые линии. Не сразу поймешь, что это — низкая поздняя луна. Огромная.

— Динас, расскажи мне о Корнуолле. Сколько лет ты живешь здесь?

— Это меряется не годами, Мархх. И не веками.

— А чем?

— Народами. Первые пришли сюда с Ху Кадарном. Не приплыли — пришли посуху. Когда этот остров был частью огромной суши. Они строили кромлехи, возводили менгиры, сооружали длинные курганы — ты же знаешь эти бесконечно долгие коридоры из каменных плит.

— Куда они делись?

— Ушли курганами. В Аннуин... или в другие миры. Я не знаю. Круитни — их последние потомки.

— Но ты не круитни.

— Но я и не человек.

— Кто ты, Динас?

— Я слуга властителя Корнуолла. Я часть этой земли. Я есть, пока существует Корнуолл.

— У тебя нет ни отца, ни матери?

— Я их не знаю. И довольно обо мне. Ты хотел узнать о своей земле — так слушай.

Кромка миров: Динас

Корнуолл всегда был частью скорее Аннуина, чем мира людей. От равнин Ллогра его отгораживает жуткое пристанище нечисти: болота Девона. От полной чудес Кимры — устье Северна. Страна, у которой только два берега — западный и южный.

Страна, отделенная от всего Прайдена.

Вглядись в эти скалы, Мархх, — и ты увидишь очертания древних стен. Стен, где каждый камень высотою почти в рост мужчины и в два роста длиной. Не спрашивай меня, что за исполины сложили их. Я не знаю. Это было прежде меня. Не спра-

шивай о возрасте этой кладки, я знаю лишь одно: когда светлейший Бели, мудрый Бендигейд Вран и проклятье Прайдена – Сархад Коварный – возводили Хоровод Великанов, тогда стены Корнуолла *уже* были седой древностью.

Корнуолл – это словно огромный дракон, уползший с Прайдена в море... и уснувший в водах Рианедд. Века изъели его плоть, оголили кости, исполинское чудище кажется мертвым – но оно живо, Марх. Под окаменелыми костями бьется сердце корнуольского дракона.

Научись дышать в ритм с ним – и ты станешь королем Корнуолла.

* * *

Они шли вдоль скальных стен. Рядом лежала еще одна плита... больше всего это походило на то, что древние строители приготовили еще один камень для своей стены, но раздумали класть.

Марх с Динасом шли мимо, и сын Рианнон невольно сосчитал шаги. ...сять, одиннадцать, двенадцать.

Дюжина шагов в длину камня, оставленного без надобности.

Марх свернул, измерил шагами ширину камня. Семь. И высотой ему по грудь... это не так уж и много – сын Мейрхиона не мог похвастаться большим ростом.

Вот такой ненужный камень. Вокруг пышно растут папоротники.

Марх положил на него руки, прислушался. Нет, ночь была тихой, только море вздыхало внизу. Марх слушал иное. Он ощущал дыхание спящего дракона, неразличимую глазом жизнь этих скал, видел мельчайшие искры жизни, до сих пор пронизывающие стены древнейшего из народов...

— Расскажи... — выдохнул он. — Что я должен делать? Я ведь еще не король, хоть моя мать и называет меня так.

— Да, — кивнул Динас. — Ты пока не король. В Прайдене королем может стать тот, кто выдержит схватку с одним из Великих Кабанов.

— Что за Кабан?

— У каждой земли он свой. На востоке — в Ллогре — на Кабана охотится король со своей дружиной, гоняясь по всем бескрайним равнинам, на севере — в Кимре — одолеть Кабана может лишь тот, кто заручится поддержкой великих чародеев, а здесь...

— Что?

— Тебя научат твои эрлы. Научат тому, что поможет тебе в схватке с Кабаном. Но против него выйдешь ты один.

— Хорошо, — напряженно отвечает Марх. — Если я смогу победить — что тогда? Я король?

— Не совсем... Королем ты станешь только после того, как спустишься в древний Каэр-Ллуд, к верховному королю Прайдена Бендигейду Врану. Он должен признать тебя властителем Корнуолла.

— Это всё? Или будут еще какие-то ухищрения?

— Не ухищрения, Марх...

— Говори!

— Градлон.

— Кто это?

— Король в Тинтагеле. И король подводного Исса. Прежний властитель Корнуолла. Рианнон и Араун отказали ему в праве на власть, но...

— Но он не сдастся без боя, ясно. Кабан, Вран и морской правитель — это всё?

— Кажется, да.

— Ну что ж, — сын Рианнон улыбается в золотистую бородку и припоминает слова из древней саги: — Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным.

* * *

Человек в дорогой одежде с золотой пряжкой на плече строил обычную кожаную лодку. Марх сбежал по тропке вниз со холма.

— Нечасто встретишь знатного человека, что не гнушался бы простой работой, — улыбнулся сын Рианнон.

— Уж не вздумал ли ты осуждать меня, юноша? — подиял голову тот.

— И не осмелюсь! Я ищу Лосося из Ллин-Ллиу, и думается мне, ты поможешь в моих поисках.

— И зачем же тебе понадобилась эта рыбина? — усмехнулся корабел.

— Проситься в ученики к мудрейшему из речных эрлов Корнуолла. Возьмешь?

Великий Лосось отвлекся от работы:

— Как ты нашел меня?

— Это было нетрудно: спроси у любой текучей воды — и получишь ответ.

Древнейший прищурился:

— Так это тебя сулят нам в короли?

Марх кивнул.

— Ну что ж... садись в мою лодку. Поплывем вместе.

Кромка чар: Лосось из Ллин-Ллиу

Внимай велениям воды, вслушивайся в ее веселые возгласы. Вверх, вверх, вверх!

Посмей пройти против течения.

Властный — вверх! Веселый — вверх! Великий — вверх!

Вымокший — вверх всё равно!

Победа — в преодолении порогов. Победа — в пути вопреки преградам.

Выше! Веселее!

Меряй мерзавцев мрачностью! Суди по смеху о сильном!

Рвись против рутины! Вверх!

* * *

Челнок, повинуясь песни мага, летел против течения, а Лосось пел, и Марх жадно вслушивался в его голос.

Потом лодка зашла в заводь. Сын Рианнон выскочил на берег, поклонился.

– Нашел ли ты ту мудрость, за которой приходил ко мне, мой король? – спросил Лосось.

– Надеюсь, что да.

– Пройдешь ли один против течения?

– Пройду! – озорным блеском сверкнули глаза Марха.

Он поклонился Лососю еще раз и умчался вверх по склону.

Властитель рек одобрительно улыбнулся.

* * *

Старуха, величественная как королева, пряла, сидя на выступающем корне древнего дуба.

Марх опрометью выбежал на поляну и замер, стыдясь невольной непочтительности.

Он низко поклонился ей.

– Что нужно здесь юному Жеребенку? – потребовала ответа она.

– О Сова из Кум-Каулойд, прости меня за дерзость. Я искал тебя.

– Мне об этом известно. Треск на весь лес стоял.

Марх припал на одно колено:

– Я пришел просить тебя: возьми в ученики.

Она покачала головой:

– Юности не нужна мудрость старости.

Он дерзко взглянул ей в глаза:

– Я не слишком мудр, это правда. Но я и не глупец, считающий себя умнее всех.

Кромка чар: Сова из Кум-Каулойд

Медленно меняется мир, медленно — и неумолимо. Умей увидеть неизменное в смертном, меняющееся — в монотонном.

Мудрость и мера. Умерь стремление. Вожделея власть — смири себя. Жестокий жеребец, ужели забоишься железной уздой взнуздать злость свою?

Только тот торжествует, в ком чутка человечность, чисты чувства, честно сердце. Сумей сломить свою ярость, стань сильнее себя. Победи свои пороки.

Поймешь ли, что нет победы превыше, чем преодоление себя?

* * *

Марх уходил от Госпожи Лесов смущенный. Сын своего отца, рыжеволосого ирландского пирата, ставшего королем и мужем богини, Марх всегда считал, что победа бывает только над врагом. О победе над собой он не думал... прежде.

И сейчас он не знал, как ему вести битву за Корнуолл и что будет победой в ней.

Лишь в одном Марх не сомневался: он обязан стать королем. Как именно — разберемся.

Дорога вывела его из леса на простор. А в небе реял...

Кромка чар: Орел из Гверн-Абуи

Страсть сильного — свобода. Вольному — вечный воздух.

Постигшему парение — покой.

Сумей понять: свобода и есть спокойствие. Полет — спокойствие — сила. Слова сплетены, стремления связаны сильнее.

Опорой пусть станет пустота. Внимай ветру, доверься воздуху.

Надежно незримое, плотно прозрачное.

Победой полнится песнь поднебесья.

* * *

Марх внимал песни величайшего из эрлов воздуха, и сомнения уходили, как вода уходит в песок. Отважный призыв Лосося «Вперед! Против течения!» и требование Совы «Смири себя» — эти противоположные мудрости объединялись в песни Орла, и было ясно, что нет разных путей, а есть один, только говорят о нем по-разному, и путь этот — не к власти, а к большему, к высшей победе, и не над собой даже, а больше — над...

Но Марх не мог найти сейчас слов для того, что смутно ощущал.

Надо было идти дальше. Надо было еще многому научиться.

* * *

Олень из Рединфре был в обличье человека — и сейчас очень походил на Лосося. Тоже дорогие одежды, тоже золотые украшения. И главное — та же стать, то же сдержанное величие, которое будет присуще всегда, хоть в шелках, хоть в лохмотьях. Два старейших эрла Корнуолла были сходны как братья, но если у Лосося человеческий облик ничем не напоминал рыбий, то Олень оставался собою и в двуногом виде. Посадка головы, разворот плеч, длинные сильные ноги — всё выдавало в нем звериную суть.

Он милостиво кивнул Марху.

— О Олень из Рединфре, я пришел...

Тот с улыбкой перебил его:

— Пришел пробежаться, Жеребенок?

Марх с сомнением посмотрел на него:

— Я ведь теперь человек.

— Как ты еще молод! Оборотня от человека отличает не то, что снаружи, а то, что внутри. Я стою перед тобой на двух ногах, но это не делает меня человеком. А ты и на четырех им останешься. Вперед, мой юный король!

Кромка чар: Олень из Рединфре

Только по нетореным тропам, то по теснинам тверди, то по топям, то по тайным путям, то по просторам, то потише, то побыстрее, то по приволью, то по дебрям...

По твоей стране.

Отзывается земля на звонкий зов. Знает: здесь защитник от разгулявшихся захватчиков.

Запомни: защитит тебя то, что защищаешь сам. Счастлив щедрый к земле, безмятежна земля за щитом.

Легок скок, стоек дух, быстр удар, резв бег, чуток слух, смел смех, горд нрав!

Прав припавший к земле, преступен поправший землю. Ища помощи – просто прислушайся.

Отзовется земля.

* * *

Они обежали всю страну, от устья Северна на севере и болот Девона на востоке – до мыса Пенгваэдд, западнее которого только океан, и солнце уходит в преисподнюю. Вороной жеребец и рыжий олень с сотней отростков на рогах проскакали по скалам и долинам, холмам и лесам, мимо одиноких пастухов и рыбацких деревушек, мимо волшебных холмов малого народца и величавых замков сидхи, таящихся в глубине леса или за вратами туманов.

– Теперь ты знаешь свою страну, юный король, – сказал Олень из Рединфре.

– Не называй меня так. Я еще не прошел испытания.

– Ты о Кабане? Полпути к победе ты проскакал: земля Корнуолла откликнулась тебе. Ты уже стал королем. Дело осталось за малостью.

Марх невольно улыбнулся.

– Ступай теперь к Дрозду из Килгори.

– Но... чему мне учиться у него?

— Главному. Тому, *ради чего* ты будешь сражаться и побеждать.

* * *

К Дрозду Марха привели песни. Крестьяне трудились в поле — и пели, громко и радостно. Ткач, бондарь и корзинщик распевали за работой. Молодая мать пела малышу — отнюдь не колыбельную, а он подгукивал, еще не умея говорить, но попадая в такт. В детских играх победу решала песня. Старики, сидя возле неказистых торфяных хижин, не говорили о прошлом — а пели долгие и протяжные сказания.

Здесь улыбались даже усталые. Здесь не было хмурых или злых лиц. Здесь на хитрый вопрос: ради чего мы живем? — ответ был прост: *ради радости.*

Кромка чар: Дрозд из Килгори

Смех и свет. Сумей сыскать смысл счастья. Сыщешь ли свободу, сыщешь ли спокойствие, если сам себя серьезностью скуешь?

Развей гордость радостью. Прогони печаль песнью.

Осмелься смеяться.

Сгниет грозное, стихнет слава, скукожится коварство, померкнет мрак — но останется смех.

Легким облаком взлетишь, смехом страх сокрушишь, радостью превзойдешь ревность, песнью проложишь путь.

Сбрось серьезность, стань смелым — без злости, зависти, заботы.

Поверь песне. Пройди по-над печалью.

* * *

Марх не сказал бы, что понял песнь Дрозда, но от нее ощутил прилив новой мощи, силы — которой нет границ, могущества — которого хватило бы, что-

Муниципальное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля»

бы свернуть землю, будь одно кольцо в небе, а другое в тверди.

— Каба-ан! — Марх не кричал, он звал безмолвно, сердцем, волей, душой. Он хотел этой битвы, он ощущал себя могучим, сильнее шквала моря и напора прибоя, он чувствовал в себе всю незримую жизнь земель Корнуолла — и людских, и нечеловеческих.

И имя противника пришло само:

— Гру-угин!

Гордый и властный, юный Король ждал соперника. Звал соперника.

Требовал.

* * *

Земля вспухла, давая выбраться... чудищу преисподней? одному из властителей земли? бойцу священной схватки?

Его можно было назвать как угодно.

Его шерсть отливала серебром. Смертоносный зверь, один из хранителей Корнуолла.

Против Короля. Еще не провозглашенного, но уже подлинного.

Гругин бросился на Марха, и удар Кабана был бы ужасен...

Был *бы*...

Кромка победы: Марх

Откликнись мне, *моя* земля.

Как женщину пронзает плоть мужа, так тебя наполняет моя сила. Я властен над тобой — больше, чем любой из мужчин властен над любой из жен.

Мне достаточно захотеть — и сомкнутся скалы. Достаточно одного усилия воли — и земля станет непролазной топью.

Кабану не взобраться на отвесные скалы. Кабану не выбраться из гибельных болот.

Остры его клыки, но бессильны против каменных стен. Грозна его ярость, но смешна она в чавкающем бессилии болот.

Могуч ты, Гругин. И один на один не выстоял бы я против тебя. Немногое мог бы сын Рианнон.

Но правы мои эрлы: я уже стал королем Корнуолла. И против силы всей земли — что можешь ты, Кабан?

* * *

Марх прыгнул на холку Серебряному Кабану.

— Сдавайся! Признай себя побежденным! Я не хочу убивать тебя, мы не враги! Признай мою победу — и болото отпустит тебя.

Гругин хрюкнул... соглашаясь? — и вдруг сменил облик.

Марх полетел в болотную грязь, а над ним в небе — воспарил юноша с серебряными крыльями.

Он пел и смеялся, смеялся и пел, и песнь его была светлой радостью, и в смехе его не было торжества победы.

Он был прекрасен.

Марх, отплевываясь и отфыркиваясь от грязи, уже понимал, чем он может одолеть Гругина в этом облике: песнью Дрозда. Спеть о том, что радость превыше всего — а значит, и красоты, и света... Кабан падет в болото, где ему, твари древней, самое место...

Победа ясна и близка.

Кромка судьбы: Марх

Я не могу.

Я всё знаю — но не могу обратить свои знания против него.

Потому что нельзя бороться с красотой — ни ради какой цели. Высокой, низкой — неважно.

Красоту нельзя уничтожать, повергать, одолевать.

Радостью нельзя повергать радость.

Даже во имя самых благих целей.

Песни Дрозда преступно использовать как оружие.

Ты слышишь, среброкрылый юноша?

Ты победил.

* * *

Гругин спустился на землю. Крылья исчезли, но принимать облик Кабана он не спешил.

— Ты победил, Мархх, — сказал он.

— Нет... ты...

— Не спорь с Кабаном. Ты прав: радость — это не оружие. Ею нельзя сражаться, даже если можно победить. Ты одолел меня. Ты стал владыкой Корнуолла.

— Нет, я...

— Послушай. Если я тебе понадоблюсь — просто позови меня. Я приду на помощь.

— Но ты...

Гругин не дал ему возразить и договорил:

— А если я тебе *очень* понадоблюсь, Король, то не беспокойся: я приду без зова.

* * *

Корнуольский Кабан расправил крылья и взлетел. С карканьем поднялся с дуба ворон, подлетел к Гругину. Среброкрылый юноша и ворон принялись выписывать в воздухе одним им понятный танец, удаляясь и удаляясь в вышину. Но, странное дело, если серебристая фигура уменьшалась, то ворон — нет. Рос? Становился исполином?

Кем был тот ворон, что наблюдал за их поединком?

Король Мархх не стал искать ответа на эти вопросы. Если будет нужно — ответ найдет его сам.

Сейчас — Тинтагел. Градлон.

Тот, кого Рианнон и Араун лишили власти и с кем Марх хотел бы решить дело миром.

К поверженному сопернику король испытывал жалость. Хорошим ты был королем или нет, но когда тебе объявляют, что теперь ты никто, это несправедливо.

И Марх надеялся смягчить приговор, вынесенный его матерью.

Кромка миров: Марх

Тинтагел. В мире людей ты – башня, сложенная древними исполинами. Скудная каменная ограда вокруг – это уже люди постарались, как могли. Стен, способных выдержать осаду, нет – да они и не нужны: здесь всё пронизано магией, и любого врага остановят задолго до того, как он приблизится к главному замку Корнуолла.

А если враг будет настолько могуч, что его не сдержат чары, то против него и крепостная стена не поможет.

За оградой замка – обычные человеческие строения: кухня, амбары, кузница... И башня, могучая и величественная. Думаю, даже люди чувствуют, что она больше, чем видно оку.

Замок на границе миров. Замок, куда равно можно войти и из мира людей, и из Аннуина. Замок, наземная часть которого вдвое больше, чем кажется. Лестницы и залы, куда не могут попасть люди.

Я это вижу даже отсюда.

Это *над* землей. А уж под ней...

Не считаю себя робким, но вряд ли решусь спуститься в подземный Тинтагел. Глубоко пустил корни этот замок. Для морского короля Градлона Тинтагел и его подводный Исс – одно. Но этот замок еще глубже. Я слышу дыхание преисподней. Где кончаются подземные галереи Тинтагела и начинаются владения Нудда, хозяина Нижнего мира?

Не знаю. Да и знать не хочу.

Игры с подземными силами опасны. Некогда Сархад Коварный осмелился разбудить преисподнюю... это было задолго до моего рождения, и с тех пор имя Сархада даже боги повторяют лишь шепотом, если уж приходится произнести. Даром что его заточили века назад.

Говорят, этот ужас древности был учеником Нудда.

Надеюсь, подземные галереи Тинтагела были созданы не им.

Но мне нет дела до жутких преданий прошлого. Меня ждет Градлон – и уж никак не теплая встреча.

* * *

Марх вошел в замок. На человеческих обитателей Тинтагела он сейчас не обращал внимания: после.

Король видел воду. Нет, глазам она была незрима. Но она лилась повсюду, по щиколотку, по грудь, по горло.

– Перестань, Градлон! Тинтагел и Исс – больше не одно и то же! – крикнул сын Рианнон.

– Ты пришел выгнать меня? – раздался насмешливый голос.

Градлон ждал его в главном зале.

Казалось, что по покою гуляют волны. Посреди зала стоял прежний король Корнуолла – бледный, как все демоны моря, черноволосый. Злой прищур глаз.

Марх наклонил голову, приветствуя его. Тот не ответил.

– Градлон, ни ты, ни я не вольны оспаривать волю властителей Аннуина. Даже у людей друиду достаточно лишь слова, чтобы лишить короля власти. Я не хотел отбирать у тебя Корнуолл, поверь.

– Как благородно! Отобрать не желая. Покорно слушаться свою мать, – бледное лицо морского короля прорезает усмешка.

— Градлон, я пришел не ссориться.

— Ты пришел меня выгнать.

— Нет.

— Не-ет?

— Послушай. Мы можем договориться.

— О чем? В Корнуолле может быть лишь один король!

— Да, это так. Но изгонять тебя я не хочу.

— Каким образом?

— У тебя есть дочь, Градлон. Отдай Дахут мне в жены — и вы оба останетесь в Тинтагеле, в Корнуолле.

* * *

Король подводного Исса расхохотался. От его смеха незримые волны взметнулись до потолка.

— Ты, кобылье отродье, мало того, что отнимаешь у меня страну — ты хочешь отнять и дочь?! И надеешься, что я настолько доверчив, чтобы дать согласие?!

— Я не отнимаю, Градлон. Я ищу способ оставить вас обоих здесь — и не вижу другого.

— Подлый лжец! Ты надеешься получить ключи от Исса, ключи, которые хранит Дахут!

— Мне не нужен Исс, Градлон. Я король Корнуолла.

— Ты еще похваляешься этим передо мной, наглец!

— Градлон, как мне убедить тебя: я не враг.

— О да! Ты мне не враг! Ты лишь отобрал у меня страну, отбираешь этот замок и надеешься завладеть и тем, что мое, и только мое!

Как ни был терпелив Марх — он разгневался.

— Довольно, Градлон. Я предлагал тебе сохранить часть власти над этой землей — ты не захотел.

Кромка чар: Марх

Вытекай, вода. Не место морю на суше. Не место волнам в замке.

Прочь – течь. Вниз, воды. Выйди, влага.

Шум воды наполняет замок. Громче любого ливня. Яростнее любой бури. Бурлят водовороты в залах. Грохочут водопады на лестницах.

Оглушителен рев призрачной воды, падающей с утесов Тинтагела – в море.

Отныне не быть единым Иссу и Корнуоллу.

Отныне не плескаться призрачным волнам по замку.

Лишь влажные камни да корка соли остались от власти твоей, Градлон.

Я не хотел изгонять тебя.

Но тебе дороже ненависть.

* * *

Марх, стоя на берегу, смотрел на Исс.

Морской замок, стены которого не из камней, а из волн.

От берега Корнуолла к замку Градлона пролегала дорога, мощенная волнами. Ровными, чуть колышущимися.

На глазах Марха этот путь рушился.

Не от моря на берег, но с берега к горизонту мчались огромные валы, разламывая дорогу к Иссу. А потом начал рушиться и водный замок. Волнами до неба оборачивались стройные башни, чтобы низринуться в море, пасть внутрь самих себя.

Градлон, изгнанный из Тинтагела, глушил боль потери – саморазрушением. Потеряв Корнуолл, он уничтожал и Исс.

* * *

Марху не дали долго переживать о судьбе Градлона. Тинтагел – замок на границе миров – заполонили гости. И неважно, что король Корнуолла не звал их.

Рианнон сияла, гордясь сыном.

Дрозд из Килгори взял на себя обязанности придворного барда – и пел о победе юного Короля.

Гругин, довольный словно победитель, кивал: всё так и было.

Прочие эрлы-нелюдь собрались на пир.

На этом пиру угощали не едой – сказаниями. И новым героем стал Марх, сын Рианнон.

Последним пришел Араун. Властитель Аннуина. Оленерогий Король – и рога его были так велики, что никакому оленю не снести на своей голове подобной короны.

– Славна твоя победа, Жеребенок, – сказал он. – Но главная битва у нас впереди.

Кромка битвы: Араун

Ты доказал всем свою силу и мудрость, Марх. Но власть над Корнуоллом – лишь первый шаг.

Ты – король Аннуина.

Ты соединишь два мира, подобно тому, как нить швеи соединяет два куска ткани.

Ты сможешь вернуть в Аннуин стадо священных свиней. Лишь одна из них осталась с нами, когда Гвидион похитил стадо у Придери, – Хен Вен.

Среди собравшихся здесь эрлов – Колл, сын Коллфевра. Тот единственный свинопас, кто всегда и везде находил Хен Вен. Отныне он будет служить тебе.

Кромка магии: Гругин

Араун, подожди. Ты всегда говоришь слишком много. И никогда не понять, о чем.

Я объясню проще.

Марх, гончар не слепит горшка без глины. Швея не сошьет одежду без ткани. Пахарь немногое сможет без плуга.

Аннуин почти бессилен без священного стада.

Не спрашивай, что за магия воплощена в этих свиньях. Я сам из этого стада. В моем чародейном могуществе ты убедился, надеюсь?

Свиньи Аннуина похищены Гвидионом. Им же убит твой сводный брат. Это ты знаешь.

Вернуть свиней Аннуину – всё равно что вернуть арфу барду... да, сравнения уже не нужны, ты уже всё понял.

* * *

– Я клянусь, – звенит, срываясь от волнения, голос молодого короля Корнуолла. – Клянусь, что верну в Аннуин священное стадо! Не знать мне покоя, пока не одолею я Гвидиона и не отомщу за брата своего Придери!

Слезы выступают на глазах Рианнон.

Вскидывает рогатую голову Араун.

Весело щурится Гругин.

Кромка времен: Динас

Приветствую тебя, Марх, король Корнуолла.

«Мой король». Эти слова я говорил и Градлону – но как я рад сказать их тебе, сын Рианнон!

Ты будешь хорошим королем для нас. Даже когда ты еще не одолел Гругина – тебя уже признавали эрлы.

Теперь я спокоен за нашу землю. Надеюсь, что надолго.

Гругин взахлеб рассказывает по всем мирам колдовства, как красиво ты одолел его. Слава о тебе уже катится по Аннуину.

Но, Марх, тебе осталось последнее. И главное. Это даже не испытание. Это... иное.

Торжества в Корнуолле – и человеческом, и нелюдском – мелочи. Выйди из пиршественной залы. Ты видишь: над Тинтагелем кружит ворон. И черная птица – отнюдь не знак беды.

Он ждет тебя.